

2. Чеботарьова Н. М. Макроекономічне регулювання інвестиційної діяльності в АПК (на матеріалах промислово-орієнтованого регіону): Автореф. дис. на здобуття наукового ступеня канд. екон. наук. – Київ: Інститут аграрної економіки української академії аграрних наук, 2001. – 22с.
3. Мартинов С. В. Забезпечення сталого розвитку аграрного сектору регіону: Автореф. дис. на здобуття наукового ступеня канд. екон. наук. – Житомир: Державний агроєкологічний університет, 2004. – 23с.

Резник О.В.

МЕМУАРЫ А.СЕМЕНОВА-ТЯН-ШАНСКОГО: ЛИЧНОСТЬ, ОСИЯННАЯ КИЕВО-ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРОЙ

Произведения духовно-философской автобиографической прозы на первый план выводят вопросы нравственных исканий, проблему идеала, культурную составляющую внутренней эволюции личности. Обзор периодической печати, научной литературы по творчеству русских эмигрантов свидетельствует: сегодня необходим определенный итог в изучении философско-эстетической и художественной типологии литературы русской эмиграции, связанной с христианскими идеями. Причем в круг исследования должен быть вовлечен не только опыт писателей-профессионалов, но и религиозных мыслителей, священников. Их мемороцентристская проза значительно обогащает духовную культуру современности, позволяет увидеть переход личности к теоцентризму.

В своей статье «Русская симфония» митрополит Иоанн (Снычев), современный автор, отмечал, что процесс пересмотра своих убеждений после революции коснулся русской эмиграции. Анализируя мировоззренческие основы западничества и «евразийства», он приходит к выводу, что эмигранты «болели страшной родовой, наследственной болезнью русской интеллигенции: интеллектуальной гордыней, лишавшей человека способности смиренно и благоговейно воспринимать тысячелетний церковный опыт выстраданного и прочувствованного христианского мироощущения» [1, с. 3]. В то же время, по-христиански рассматривая роль личности, автор отмечает, что уникальность и своеобразие русской истории «есть следствие причин духовных, результат особого служения, возложенного Промыслом Божиим на наш народ» [1, с.3].

В этой же статье приведены слова барона А.В.Меллер-Закомельского (1923 г.), которые во многом перекликаются с другими философами, в частности с мыслями А. Семенова-Тян-Шанского: «Но в глубокой скорби о своем бессилии, в горестном изгнании и оторванности от родной земли многие из нас поняли, наконец, что большевизм есть лишь острый кризис вековой болезни духа влюбленной в Запад русской интеллигенции...

... Будем верить, что пройдя через годы ужасных гонений, падая и поднимаясь, закаленная в борениях, очищенная испупительной мукой своей, мученическая Православная Церковь Российская явит миру свет, который разгонит тьму... (...) Каждый из нас должен осознать то великое сокровище, которым мы обладаем во Христе и Его Православной Церкви, то огромное культурное богатство, которое сокровенно таится в недрах нашего духа...» [1, с. 3]

Именно такой подход избирает в своем автобиографическом очерке «История одной жизни» Александр Семенов-Тян-Шанский, эмигрировавший в 1921 году во Францию. В 1942 году в Париже он окончил Свято-Сергиевский богословский институт, в 1943 г. был рукоположен священником и стал настоятелем церкви Знамени Божьей Матери в Париже. В 1966 г. он был возведен в сан епископа Зилонского Святой православной церкви во Франции. А.Д. Семенов-Тян-Шанский написал несколько трудов религиозного содержания и поэму о трагедии семьи в годы революции «Венок просветленным». В 1942 году в Берлине вышел второй выпуск сборника «Летопись. Орган православной культуры» с вышеупомянутым очерком. Это не только повествование о брате Леониде, который вместе с Блоком входил в поэзию символизма, а затем «пережил полную драматизма судьбу искателя социальной и религиозной правды» [2, с.304] – это наглядный пример человека, имеющего духовную свободу, такую желанную для эмигранта и для современного читателя: «Когда-то странными, не очень понятными казались слова брата о духовной жизни в противоположении жизни душевной, но его нередко молчаливое только присутствие, без всякой философии тогда, учило, что в мире есть что-то нравственно абсолютное, чего нарушить нельзя, учило тому, что есть дух» [2, с.372].

Цель данной статьи: анализ очерка А. Д. Семенова-Тян-Шанского «История одной жизни» как теоцентристского мемуарного произведения первой волны русской эмиграции. Возможно, очерк «История одной жизни» - не самое яркое в литературном плане произведение (хотя его автору не отказывал в таланте В.Ходасевич), однако без него мы многого не знали бы о нравственных исканиях рубежа веков, т.к. нарратор создал обобщающий образ человека совести, представителя деятельного добра мирового масштаба: «Читая эти строки, чувствуешь, что брат души находился не на нашей грешной земле» [3, с.361].

Указанный очерк был опубликован в 1942 году и положил начало целому ряду публикаций и статей о его герое – Леониде Семенове: В.А.Мещерякова, В.А.Сапогова, С.Б. Бураго, изыскания В.С.Баевского. Однако нас более всего интересует не реальная личность, возникающая в «Дневнике» Л.Д. Семенова-Тян-Шанского, а закономерность обращения к изображению духовных поисков личности в эмигрантской литературе, на что указывает и сам нарратор: «В мою задачу не входит писать о брате Леониде как стихотворце и писателе».[3, с.362] Тем более ни в одной из указанных работ очерк не включался в контекст изучения автобиографической литературы, в том числе созданной православными священниками. Необходимость рассмотрения данного источника именно в таком ракурсе обусловлена тем обстоятельством, что жизнь особо

духовных людей, как бы в миниатюре, повторяет историю человечества, в частности – своего поколения. Сперва это эпоха исканий и предзнаменований, подобная жизни ветхозаветного человечества, потом встреча с Христом, сомнения и служение ему, мученическая или насильственная смерть и, как прообраз истинного грядущего воскресения, духовное возрождение в сердцах близких и последователей. Особую значимость придает облику героя примечательный эпизод: в первые годы студенчества Л.Д. Семенов-Тян-Шанский ездил в Киев, чтобы сделать что-то самостоятельно. В номере гостиницы он нашел оставленное кем-то житие Святого Сергия Радонежского: «Это был первый, самый сильный призыв, но и потом Бог не оставлял меня» [3, с.356] Именно украинская земля воспринимается спустя годы как колыбель православия. Этот свет православного Киева становится определяющим на долгие годы духовных поисков будущего подвижника.

Хотя по жанровому определению данное произведение отнесено автором к очерку, уже заглавие отсылает нас к более пространному типу – например, повести. От воспоминаний в обычном смысле слова данный очерк отличает тщательная организация материала, заданная в первых строках: «Очень рано вокруг брата стала у нас складываться и настоящая детская легенда» [2, с.309], поэтому предметом изображения становятся только те внешние обстоятельства, которые демонстрируют формирование внутренней жизни индивида. Едва намечающееся сходство с литературным портретом все время нарушается тенденциозностью наррации. Так, даже в собственно изображении внешности брата Леонида отмечается необычность, выраженная не только в курчавой и густой бороде или длинных волосах, сколько во всем облике: «В мужицкой одежде, загорелый, похудевший (...) он показался мне действительно другим, новым человеком, таким, каких я не видал нигде. Особенно острый, немного жесткий и сухой огонь глаз и виноватая, кроткая улыбка не скрытых усами губ производили неотразимое впечатление» [2, с.323] Для А.Д.Семенова-Тян-Шанского важно запечатлеть не индивидуализированные, а, в некотором роде, сакральные черты своего современника. Через изображение личных пристрастий, круга чтения, деталей быта, создание портрета-характеристики, он пытается продемонстрировать всю сложность взаимоотношений одухотворенной индивидуальности с окружающим миром: «Печать некоторого избранничества лежала на нем с малых лет» [2, с.308]. Все это обуславливает относительно свободную композицию очерка с непременными лирическими отступлениями и поздними, отчасти нарушающими хронологию (но не логику развития образа!), вставками. Рассказчик указывает, что вокруг Леонида (кстати, имя героя употребляется крайне редко, будто из боязни пустого, как бы святотатственного называния, а возможно, как прием типизации) совершалась двойная проекция: он отражался во многих вещах и словно сам воспринимал в себя отблеск некоторых вещей. Однако сказать, что перед нами творимая легенда о брате, было бы не совсем верно. Скорее, это автобиографическое свидетельство о том, какому чуду ты был причастен, своего рода живой пример для потомков. Временная дистанция позволяет нарратору быть достаточно объективным и черпать материал непосредственно из всего культурного эмигрантского дискурса 20 века. Поэтому в подстрочных примечаниях и в тексте очерка звучат имена В.Пяста, З.Гиппиус, В.Ходасевича и других. Звучит на страницах очерка и слова о неспокойном и позорном, по определению автора, 1917 году.

Еще одна особенность данного автобиографического произведения – постоянная смена нарратора. Можно сказать, что это сам автор, живой голос брата – причем это не только прямая речь, за достоверность которой (в отличие, например, от И.Одоевцевой, тяготевшей к такому же жанру в мемуарах «На берегах Невы») А.Д. Семенов-Тян-Шанский не ручается: «В передаче его слов я убежден, что не погрешил против их смысла, точную же форму его речи я передать не претендую» [2, с.334], но и слова писем и стихов. Таким образом, в автобиографический очерк-портрет вводится дневник – стихотворный и прозаический – описываемого объекта. Третий рассказчик – воспоминания современников, с которыми автор часто вступает в полемику по поводу оценки того или иного поступка брата. Такая полифоничность позволяет сделать заглавный образ рельефным и лишенным дидактичности и схематичности.

По мысли нарратора, именно фигура брата являлась ключевой для рубежа веков, его поиски могли бы многое предотвратить, являясь своеобразным прологом скитальческой судьбы отечественной культуры в 20 веке. Он отразил в своем духовном опыте все основные стадии эволюции православного сознания в переломную эпоху.

Глубокий интерес и ретроспекция позволяет Семенову-Тян-Шанскому органично переходить от одного эпизода к другому, его воспоминания сочетают в себе мемуарно-автобиографическое начало с зарисовками исторического момента, т.к. брат и весь остальной мир воспринимается им как две равные части одного целого. Избирательная память нарратора позволяет много лет спустя в кризисных условиях эмиграции дифференцированно и достоверно изображать хронику внутренней жизни личности, которая имела за плечами чрезвычайно активную и насыщенную жизнь, изобиловавшую встречами и метаниями, странствиями и чувствами. Мы нигде не увидим критических оценок, продиктованных позднейшим опытом, обилия бытовых зарисовок, детализированной автобиографии. Выстраивая произведение хронологически, автор избирает не привычные этапы – детство, юность, зрелость, а формирование характера, становление веры, любовь, толстовство, принятие таинств, переосмысление прошлого, обретение себя...

В целом произведение обладает достаточно сложным пространственным континуумом. Условно данная структура повторяет три уровня человеческой жизни, три способа восприятия реальности, характерных для автобиографической прозы и как бы символизирует движение вверх – от простого к сложному.

Первый уровень можно назвать условно «бытовой». Главная задача мемуариста – воссоздать в памяти обстоятельства жизни, устойчивый стиль и тип взаимоотношений между собой членов конкретной большой семьи. Для этого уровня присущи практически нейтральная лексика, упоминание топонимов и гидронимов,

четкая датировка описываемого. Мемороцентристская направленность отражена и в подборе фактов из жизни брата – увлечение музыкой подано как подготовка к служению Богу, будущей аскезе предшествовала попытка самоубийства и «курьезная», по мнению автора очерка, идея – возникшее вдруг нежелание делиться среди других. Страстный охотник и собиратель бабочек (то же увлечение, что и у другого искателя «собственной правды» – уже упоминавшегося В.В.Набокова), в университете он увлекся политикой и наконец – поэзией. Поэзия, увлечение Ницше, публикации в издаваемом З.Гиппиус и Перцовым журнале «Новый путь», знакомство с А.Блоком и В.Розановым – это охватывает 1901 – 1904 год. Вскоре началась японская война, а потом революция 1905 года, и тогда в жизни Леонида наступил первый решительный перелом – он стал революционером. А.Д.Семенов-Тянь-Шанский так подает этот материал, что знакомящийся с этим текстом в эмиграции легко восстанавливал тот контекст, в котором формируется личность героя и который был так знаком и дорог каждому образованному читателю. Этот культурный пласт был связан с родительской любовью, когда даже самые смелые увлечения находили поддержку, с атмосферой дворянских гостиных, в которых читались стихи и раздавалась музыка. Имение деда – ранее запретный, родной уголок, «сказочная, *обетованная страна* (курсив мой – О.Р.) моего детства» вызывает богатые ассоциации с другими «дворянскими гнездами». Встречаются на страницах мемуаров и поэты, мыслители и «богоискатели», которые выбрасывали на рынок слишком много соблазняющих дух слов. Для таких война была «обычное революцией», т.к. не могла поразить воображение. У брата Леонида они вызывают лишь горькие фразы о том, что все они заменяют жизнь словами или путаются в словах, хотя некоторые (вроде Андрея Белого, который, быть может, выберется из лабиринта слов на путь творчества жизни) вначале и горели духом по настоящему. Им противостоит такой подробный список духовной и светской литературы философской направленности, что данный перечень можно считать не случайным, а прямым указанием тем, кто хочет самосовершенствоваться. Поэтому следующие хронологические рамки данного уровня – 1907-1908 годы – связаны с пребыванием брата в Петербурге и его прощальными стихами «У порога неизбежности». История и реальная жизнь всячески стремится подчинить себе героя – несмотря на решительный отказ Леонида служить в войсках, он был насильственно отправлен в Екатеринбург и зачислен в пехотный полк. За отказ от службы он был отправлен в тюрьму в Казань. Результат – написанные воспоминания и углубление в святоотеческие писания. Несмотря на полный аскетизм и строгие воззрения, брат после смерти деда в 1914 году даже управляет имением. Но все это – внешняя сторона: «Но разве я – только я внешний?» [2, с.339].

Второй пласт изображения можно охарактеризовать как «антропоцентристский». В центре внимания нарратора – становление личности, поиск ею такого дела, такого смысла, ради которых можно и надо всем жертвовать. Герой как бы отходит от привычного уклада жизни в сторону и вверх. Само время японской войны, революции превратило различные «культы крайнего индивидуализма» в недостойную игру, фальшивую и несвоевременную, с точки зрения героя и рассказчика. Пророческие сны и ясновидение даны не как экзотический или мистический дар, а как проявление святости, возможности сопереживания страждущим. Для этого уровня характерна высшая степень абстрактности, употребление церковной лексики, глаголы «умилялся», «растрогался», «взволновался», «скорбел», относящиеся к брату, оценочные эпитеты, противопоставление земных страстей, увлечений духовной жизни. Но все же Леонид остается прежде всего живым человеком, испытывавшим стыд перед простым народом за свое происхождение; яркой индивидуальностью со своими увлечениями и сомнениями. Доверчивость и прямота, горячность и убежденность составляют основу данной личности. На этом уровне присутствие рассказчика чаще всего выражено в критических замечаниях, отражающих общую, утилитарную точку зрения: «для тех, кто не знал его внутреннего пути, казалось, что брат или подавлен, надломлен, или играет трудную роль» [2, с.323]. Он отмечает, что что-то в словах брата его настораживало, огорчало, пугало, но правда его чувствовалась несомненно. В одном эпизоде, типологически напоминающим «На берегах Невы» И.Одоевцевой – та же живая заинтересованность собеседником, долгие пешие прогулки, когда время и пространство в присутствии чистого и сильного духа почти не замечаются. Звучат ответы на невысказанные вопросы, противопоставлены «образованные» и «душевные» люди. Если окружающие выражали сожаление о погибшем таланте и надеялись на то, что это пройдет, нарратор видел в этом закономерный итог напряжения ищущего духа. Особенно поразительно отношение к брату старого сельского священника: «Да, Леонид, если бы не твои ереси, какой бы праведник, может быть, святой, из тебя вышел» [2, с.325]. В другом контексте звучит новое определение: «Пророк».

Третий пласт демонстрирует высшую ступень человеческого сознания – не душевное, а духовное напряжение, приближение к Богу, поэтому можно назвать его «теоцентристским». Рассказчик стремится найти искру Божию во всем, что делал брат, что его окружало. Дела земные не то чтобы отходят на второй план – просто теперь они малозначимы, т.к. настоящая духовная жизнь, по мнению Семенова-Тянь-Шанского, есть прежде всего прислушивание к какому-то внутреннему голосу, который то стыдит и корит, то куда-то зовет. Переход от одного уровня к другому идет через отказ от всего бессмысленного, что делал прежде. Между таким человеком и мирской жизнью лежит такая бездна, которую не всегда легко переходить. В его присутствии точно спадали маски с людей, разговоров и вещей: «Когда брат здесь, нельзя лгать, но нельзя оставаться и самим собой. Надо быть каким-то другим» [3, с.330]. Со страниц очерка звучит страстная проповедь, близкая по тональности аввакумовской. Не случайно рассказчик употребляет выражения «слагаю то, что пришлось слышать от него», «я убежден, что не погрешил против смысла речей», т.е. обращается к подчеркнуто-возвышенной лексике.

Этот пласт не имеет точной соотнесенности с последними (по хронологии) этапами жизни героя. Он вторгается в тот или иной момент по ходу повествования. Это и призыв к Богу в Киеве, и волна теплого света, захлестнувшая душу Леонида на могиле М.Добролюбовой, и ощущение, что исполнились какие-то

сроки, что сбывается что-то, чего ждал, о чем гадал инстинктивно с детских лет человеческий дух. В произведении Л.Семенова «Листки», представляющем собой собрание авторских размышлений в форме афоризмов на философски-богословскую тематику, есть отрывок, посвященный проникновению в это надпространство божественного: «Тогда все будет полно такой неслыханной дрожи, такой любви и такой радости о жизни, о какой не смеем теперь и мечтать» [2, с.342].

Главной характеристикой мемуариста можно считать общность духовных истоков с братом, осознание внутренней связи между ними, которая не прерывалась и после гибели последнего. Возможно, поэтому выбор священнического сана, к которому так стремился старший, выпал младшему. Семенов-Тян-Шанский поставил перед собой крайне сложную задачу: зафиксировать духовное рождение личности, отсеять все несущественное из хроники живой человеческой жизни, воссоздать черты святости, проступающие в живом человеческом облике (так, Леонид, оставаясь очень подвижным и азартным человеком, увлекался и спортом, и рисованием, и музыкой), при этом оставаясь в русле святоотеческой литературы. Он не историк, а биограф и учитель в одном лице, верящий в спасительную и преобразующую реальность силу слова. Своим очерком он указывал путь к спасению личности эмигранта, потерявшей жизненный ориентир в чуждом мире. Ведь даже в доме умалишенных брат спасался тем, что стал писать свои воспоминания – просто сосредоточиться, уйти в мистическое созерцание он в такой обстановке не мог.

Избежать схематичности в изображении реальных лиц помогает авторское восприятие жизненной конкретики. Основные чувства, создающие атмосферу данного произведения – благоговение, глубочайший интерес и уважение к теософским поискам личности. Вся сюжетная линия проникнута своеобразной авторской аурой, взаимодействующей с типом героя.

Как личность, брат оставляет в читателе ощущение цельности и беспокойного, ищущего духа. Его постепенное восхождение от обыденного интереса к духовным вопросам проходит через горнило сомнений и борения. Это путь долгий и не прямой. В его душе сосуществует горячая любовь к людям и горячая ненависть к праздности и глупости. Следует отметить, что Александр Дмитриевич Семенов-Тян-Шанский отбирает те эпизоды и строки из работ брата, которые не просто призваны извлечь из памяти милый образ, но прежде всего оказаться нравственной опорой для эмигранта, который будет читать эти строки: «Всякая работа в внешнем подчиняет тебя внешнему. А внешнее управляется не тобой, а своими законами, и так ты никогда не выйдешь из круга слепой необходимости, и будешь игрушкой ее. А ты поистине рожден творцом нового человека» [2, с.340 - 341]. Кто, как не изгнанник, почувствовал себя «игрушкой» в руках судьбы? Кто так мечтал о былом достоинстве и значимости, как люди, потерявшие все в жизни вместе с родиной?

Писатель демонстративно умаляет собственное «я», лишь иногда настаивая на автобиографичности изображаемого. Фигура младшего брата возникает лишь тогда, когда диалог или реплика могут дополнить характеристику старшего. Любовь к брату настолько сильна, что является определяющей характеристикой в обрисовке данного характера. По мере того, как меняется главный герой, меняется не только сопереживающий ему рассказчик – трансформируется сам способ подачи материала, сама модель мира. Если в первых эпизодах превалирует бытовая стихия, желание запечатлеть те истоки, которые послужат фундаментом для последующей нравственной эволюции, то в дальнейшем пейзажно-интерьерный фон становится все более локализованным, а повествование насыщается эмотивными элементами. Поэтому сама наррация постепенно меняет тему. Вначале это картинки реальной жизни, которые, подобно Набокову, воспринимаются как своеобразное пророчество: «останавливаюсь на этом потому, что жизнь и развитие некоторых людей всегда полны таких символических предвещаний о своей судьбе» [3, с.310] Это объясняется тем, что те, кто стремится к высшей жизни, в пределе вечной и вневременной, уже частично обладают своим будущим. Не случайно в ретроспективном обзоре стихотворений Леонида Семенова автор очерка подчеркивает их особую мифологическую и культовую окраску, улавливая в них тоже эстетическое предвкушение духовных путей их автора.

Автор очерка пытается воспроизвести и проанализировать те первоначальные импульсы, из которых развивалась позднейшая цельная система мироощущения и миро видения, что же было фундаментом духовных исканий брата Леонида, а вместе с ним – и русской интеллигенции рубежа веков. Дан образец для подражания каждому, дан ответ на вопрос, что случилось в 1917 году: «...если бы не стало в нашем народе совсем веры, тогда уж лучше пусть не будет ни царя, ни народа» [2, с.354]. Автобиографизм в данном очерке – скрытый, т.к. события жизни самого нарратора, семьи, государства фокусируются в биографии брата Леонида, через него, как сквозь призму, воспримется и мировая война, и революционные события 1917 года: «Несмотря на безумие, совершавшееся вокруг, ужас перед наступающим крушением, постоянную тревогу и тяжелые мысли о стране и беспокойство друг за друга, я чувствовал, что во всех членах семьи, особенно отце и матери, все более проступает какое-то внутреннее просветление и смирение» [2, с.359]. Свидетельством внутренней эволюции мемуариста под влиянием личности брата служит финальный эпизод, когда Александр смотрит на фотографию Леонида, убитого разбойниками в 1917 году: «Хула набегала на уста, хотелось вслух сказать какое-то жестокое слово... и вдруг закрылись мои глаза, и небывалое, неиспытанное прежде торжество, ликование, радость и свет наполнили душу. «Какая слава, Господи, какая слава!» невольно вырвалось вслух» [2, с.362]. Воскрешение в соратнике свершилось. Поэтому можно рассматривать очерк А. Д. Семенова-Тян-Шанского «История одной жизни» как житийное произведение, включающее мемуарно-автобиографическое начало, повествующее о «революции Духа» (А.Белый).

Источники и литература

1. Митрополит Иоанн (Снычев) Русская симфония ; На реках вавилон-ских... // Русичи. – 2008. – 24 июня (№ 12). – С. 3.
2. «В рассеянии сущие...» Культурологические чтения «Русская эмиграция XX в.»(Москва, 15-16 февраля, 2005 г.). Сб. докладов/ Отв. редактор И.Ю.Белякова. – М.: Дом-музей М.Цветаевой, 2006. – 384 с.

Меджитова Э.Н.**КЪЫРЫМТАТАР ЧЁЛЬ ШИВЕСИНИНЬ МУРЕККЕП ШАРТ ТАБИЛИ
ДЖУМЛЕЛЕРНИНЬ БАЗЫ ХУСУСИЕТЛЕРИ***Дослідження здійснено за підтримки ДФФД України*

В статье рассмотрены некоторые структурно-семантические типы сложноподчиненных союзных предложений, в частности, сложноподчиненных союзных предложений с придаточным условным в северном (степном) диалекте крымскотатарского языка. Исследование произведено в сравнении с литературными нормами крымскотатарского языка. Вычленены некоторые особые средства связи между главным и придаточным предложениями, н-р: употребление союза кешке или использование актуализирующих усилительных слов.

Земаневий къырымтатар шивелерини шимдики заманда гъайып оладжакъ категориясы демек мумкюндир. Шимди Къырымда ерли къырымтатар шивелери фааль суретте бозулмакъта, агъызларнынъ тили яваш-яваш эдебий тилимизнинъ нормаларына якъынлашып кельмектедир. Дигер тарафтан да, тилимиз ве шивелеримизге рус тилининъ тесири кет-кете арта ве теренлеше. Козюмиз огюнде тарихымызынынъ джанлы шаатлары ёкъ олып кете. В.В. Виноградов сёзлери: «Необходимо спешить с описанием и изучением диалектов, расширив объем и рамки диалектных исследований, не ограничиваясь только фиксацией отдельных диалектных черт», - шивелеримиз ичюн гъает актуальдир. Чюнки шиве материалларынынъ топланмасында вакъыт джойсакъ, шу материаллар догърудан-догъру гъайып оладжакъ. Айры шивелернинъ хусусиетлерини огренюв ве тасвир этювинде белли методиканен де япмакъ керектир. Шу методлар акъкъында биз эвельки макъалемизде сёз юрьсеткен эдик.

Ишбу макъалемизде къырымтатар тили чёль шивесининъ базы синтаксис хусусиетлеринде токъталмагъа ниет этик.

Чёль шивесининъ синтаксиси озюнинъ джумле тизиш сербестлигинен эдебий тилимизден фаркъ эте. Чёль шивесининъ джумлелери озь специфик хусусиетлерине маликтир. Бу хусусиетлер, эсас оларакъ, шунда ки, джумлелер къыскъы-къыскъа олып тизилелер, джумленинъ баш азалары сыкъ-сыкъ тюшюрилип къала, олар тек козьде тутулып, контексттен анълашыла ве субетчиге белли ве анълайышлы ола. Мисаль ичюн: *Эрте тыраман. Эки сыйырым бар. Оларны саваман.* Джумле азалары исе джумледе сербест шекильде тизилелер: *Къозуны сойдыраджакъ, ашаджакъ этин, Сонъ арув боладжакъ. Анавы сойдыра къозуны. Ашай.*

Макъалемизде муреккеп джумлелернинъ тизилуви хусусиетлерининъ базыларында токъталмакъ истер эдик.

Къырымтатар тили чёль шивесининъ муреккеп джумлелериндеки багъ васталарыны шу грамматик категориялар беджермекте. Багълайджылар – муреккеп джумленинъ компонентлерини багълагъан энъ эсас вастадыр. Багълайджылар эм тизме табиле, эм муреккеп табиле джумлелерини багълап келелер. Замирлер, грамматик васта оларакъ, муреккеп джумленинъ компонентлерининъ багъ вастасы шекилинде сынъырлангъан черчиведе ишлетилелер. Олар тек муреккеп табиле джумлелерде къулланылалар. Замирлер мында багълайджы сыфатында ишлетильмек мумкюнлер. Грамматик васталардан гъайры, джумлелерде башкъа багъ усуллары кенъ ишлетилелер: мана, заман, ве энъ кениш къуллангъан васта – интонациядыр.

Эгер чёль шивесининъ муреккеп джумлесини эдебий тилимизнинъ муреккеп джумлелерини къыяслайджакъ олсакъ, оларнынъ арасындаки фаркълар пек о къадар буюк дегильдир, Лякин муреккеп табиле джумленинъ бир чешитинде, хусусан, муреккеп табиле джумленинъ таби олгъан къысмы шарт мейилинде олгъан джумлелерде токъталмакъ керектир.

Бойле джумлелерде ишлетильген багълайджылар факультатив суретте ишлетилип, джумлеге къошма шарт ренкини къошалар. Шуну да къайд этмек керек ки, чёль шивесинде къырымтатар эдебий тилинде къулланылмагъан багълайджылар ишлетилелер. *Кешке* багълайджысы: *Кешке башында акъылы боса, маа келип ярдым этер эди* «Башында акъылы олса эди, манъа келип ярдым этер эди». *Кешке* багълайджысы баш ве таби олгъан джумлелер арасындаки мунасебетке иш-арекетнинъ япылмагъаны акъкъында тезсюф ренкини къоша, меселя: *Бир дане кенджем богъан боса кешке, бек арув болыр эди я, о да ёкъ* «Бир дане кенджем олгъан олса эди, пек яхшы олур эди, о да ёкъ».

Чёль шивесинде муреккеп шарт табиле джумлелернинъ, эдебий тильде олгъаны киби, хусусий бир косьтергичи бар, бу шарт мейилининъ *-са/-се* ялгъамалары. Олар джумледе хабер вазифесини беджерген фииль негизине я да алфииллерге къошулалар: *Мен быны тыйгъан босам, олар эдим къааримден* «Мен буны дуйгъан олсам, олар эдим къааримден». Бу вакъытта *кешке, баарме, эгер, шает* багълайджыларнынъ ишлетилуви факультатив суретте олып кече, ве таби джумленинъ я да онынъ компонентлерининъ мантыкъий айрылувына ярдым эте. Шунунъ ичюн де, табиле багълайджылар